

УДК 94(37).08

ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЭПОХИ В ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ АВТОРОВ ЛАТИНСКОГО ЗАПАДА IV-V ВВ.

Е.В. ЛИТОВЧЕНКО*Белгородский государственный университет**e-mail: litovchenko@bsu.edu.ru*

Позднеантичная эпоха на латинском Западе как переходный этап исторического развития Европы представляет для нас особый интерес сквозь призму мировосприятия наиболее характерных представителей культуры данного периода. Настоящее исследование посвящено проблеме репрезентации образа позднеантичной эпохи в сочинениях позднеримских авторов – Симмаха, Авсония, Клавдиана, Аммиана Марцеллина, Сальвиана, Сидония Аполлинария. Методологической базой исследования послужил микросторический подход, позволяющий установить основные компоненты повседневной жизни представителей высшего слоя позднеантичного общества, реконструировать ментальные установки, особенности духовной жизни человека. Автор приходит к выводу о том, что картина бытия позднеантичного общества, представленная по письменным свидетельствам христианских авторов, имела амбивалентный (двойственный) характер, поскольку языческие традиции и обычаи, литературные риторические штампы, усвоенные посредством риторического образования, продолжали играть значительную роль в сознании римского интеллектуала IV-V вв.

Ключевые слова: поздняя античность, микросторический подход, «последние римляне», риторическое образование, картина мира позднеримской аристократии.

Период римской истории IV-VI вв. – особая историческая эпоха, генетически связанная с предыдущей и последующей, – получил в современной историографии емкое название «Поздняя Античность». Относительно недавно (до 70-х гг. XX в.) данный период однозначно воспринимался историками как время кризиса и упадка Римской империи¹, но с выходом в свет работы английского историка Питера Брауна² в науку получило развитие новое направление, так называемая «постгиббоновская концепция» («Late Antiquity»³, «Postclassical World»), в соответствии с которой позднеантичное общество было не только кризисом и упадком, но и закономерным этапом развития античной цивилизации. Данный этап все больше воспринимается как время определенного внутреннего развития. Главная трудность в том, что нет четких критериев подхода к поздней античности как к самостоятельной целостной фазе развития античного общества⁴. Сам противоречивый материал эпохи, его недостаточная количественная репрезентативность во многих случаях создают основу для противоположных суждений. Поэтому к таким эпохам и периодам особенно важно применять системный подход, при котором характер общества, динамики его внутренних отношений может быть определен только через взаимосвязанное изучение его компонентов.

¹ Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vols. I-VI. London, 1776-1789.

² Brown P. The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad (AD 150-750). London, 1971.

³ Если рассматривать отдельно терминологию, то это название появилось еще в нач. XX в. в немецкой и австрийской историографии и звучало как «Spätantike» (Riegl A. Die spätromische Kunstindustrie nach den Funden in Österreich-Ungarn. Vienna, 1901), однако содержательно совпадало с «гиббоновской трактовкой» проблемы.

⁴ Подход к позднеантичной эпохе как целостной фазе развития общества рассматривается в книге: Bowersok G.W., Brown P., Grabar O. (eds.). Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World. Cambridge; L., 1999.

Относительно хронологических границ данного периода нет полной ясности: тот же Питер Браун предлагает ориентироваться на время между III и VIII веками (за точки отсчета приняты кризис III века и приход к власти Диоклетиана, а также исламские завоевания). Однако более целесообразным представляется несколько сузить данные рамки до IV-VI веков. Эти временные границы обусловлены такими критериями как культурно-цивилизационный и политический. *Культурно-цивилизационный* охватывает время от официального признания веры в Иисуса Константином Великим и внешней победы христианства при императоре Феодосии (379-395) до окончательного искоренения остатков язычества в начале VI в.⁵ В этот период Римская империя как государственное образование уже прекратила свое существование на Западе (476 г.), но, тем не менее, классическая латинская культура, по крайней мере, еще целое столетие продолжала сохраняться в сознании и произведениях многих позднеантичных авторов Запада, что было обусловлено бытованием остатков политической традиции (в отдельных провинциях и на уровне муниципий) и латинского языка как живого языка позднеримского этноса до середины VI в. *Политический* – от последнего «собрания земель» империи (395 г.) до первых десятилетий власти варваров в провинциях и превращения федератских образований в независимые королевства.

На наш взгляд, а также согласно исследованиям других историков⁶, своеобразие этой эпохи заключается в культурном континуитете между позднеантичной и раннесредневековой Европой, при этом двумя главными качественными характеристиками, как для любого переходного времени, выступают традиция и транзитивность (лат. *transitivus* – переходный), т.е. переходность, при сложном взаимодействии различных факторов исторического процесса и элементов культуры.

Позднеантичная эпоха на латинском Западе в силу консерватизма традиции и активной транзитивности представляет для нас особый интерес в «человеческом измерении», сквозь призму мировосприятия наиболее характерных представителей тогдашней культуры. Совершенно очевидно, что формирование целостной картины восприятия поздней античности невозможно без представления о мыслях и чувствах людей той эпохи, оставивших нам письменные свидетельства.

Целостная картина должна сопровождаться рассмотрением ощущений и обычаев, влияния религии, чувства патриотизма и поведения человека. Здесь, безусловно, разумно воспользоваться достижениями историков, работающих в русле микроистории (изучение подсознательного), истории повседневности и быта.

В своем наиболее известном варианте микроистория сложилась в Италии в конце 70-х годов (Д. Леви, К. Гинзбург, К. Пони, Э. Гренди). Впоследствии некоторые подходы итальянской микроистории были подхвачены и развиты рядом французских исследователей, включая таких известных современных представителей школы «Анналов» как Б. Лепети и Ж. Ревель. В Германии это направление развивается в рамках «истории быта и повседневности» (Г.-У. Велер, Дж. Кокка, В. Ульрих и др.).⁷

Именно микроисторики поставили задачей своего исследования изучение вопроса о способах жизни и экстремального выживания в условиях социально-политической нестабильности, кризиса, что, безусловно, актуально для реконструкции образа жизни людей поздней античности.

Микроисторики стремятся сосредоточить внимание на конкретных, легче обозримых аспектах прошлого, раскрыть существовавшие для индивида поведенческие альтернативы, выявить его личный выбор, мотивы этого выбора, его последствия.

⁵ Подробнее см.: Chuvin P. *Chronique des derniers païens*. P., 1990.

⁶ Cameron Av. *The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395-600*. L.-N.Y., 1993; Brown P. *Late Antiquity*. Cambridge, 1998; Brown P. *The World of Late Antiquity. AD 150-750*. London & Hudson Ltd., 1989. 216 p.; Уоллес-Хедрилл Дж.-М. *Варварский Запад. Раннее Средневековье 400-1000* / пер. с англ. А.П. Санина. СПб., 2002; Болгов Н.Н. *Поздняя античность: история и культура*. Белгород, 2009; Уколова В.И. *Античное наследие и культура раннего средневековья*. М., 1989.

⁷ Бессмертный Ю.Л. *Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории*. М., 1995. С. 10.

Именно полнота подобных микроданных позволяет конкретно проследить и изменение индивида, и связь таких изменений с окружающей социальной средой⁸.

Микроисторики, изучающие античную эпоху, работают с традиционными письменными памятниками. Среди них они выделяют, прежде всего, «эго-документы» – биографии, мемуары, дневники и письма. Именно они позволяют понять человека и его поступки в конкретной ситуации, то, что отличает его повседневность – от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах⁹.

Что касается методов, предлагаемых микроисториками и историками повседневности и быта, то здесь, прежде всего, используется метод «вчитывания в текст», размышлений об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во внутренние смыслы сообщенного, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося¹⁰. Иными словами, суть данного метода в интуитивной интерпретации, как самого текста источника, так и подтекста, скрытого за основным содержанием документа.

Решать поставленные задачи в русле микроисторического подхода возможно также, применяя герменевтический метод «вживания в эпоху» для воссоздания ее целостного образа, т.е. понимание эпохи «изнутри», из нее самой. Наиболее реальную картину любого периода времени возможно понять через реконструкцию ментальности, через раскрытие повседневной жизни представителей различных социальных и возрастных групп, особенности духовной жизни человека через изучение мотивов индивидуального поведения.

Использование предложенной методологии предполагает некоторые трудности, поскольку историку в таком случае необходимо глубоко разбираться и в психологии, однако интеграция отраслей современной науки явление уже не новое, что подтверждает развитие такой области исторического знания как историческая психология¹¹.

Итак, каков же образ поздней античности, предстающий перед современным исследователем на страницах произведений «последних римлян»?¹²

Анализ общей картины социально-политической и духовной жизни Поздней Римской империи показывает, что в этот переходный период ситуация практически во всех сферах была явно нестабильной. Такое положение было характерно для данного периода в целом – IV-VI века были самым большим переломом в истории Европы из происходивших до тех пор. Кризис всех систем (политической, социальной, религиозной) в их совокупности, в конечном итоге, приводит империю к гибели. За-

⁸ Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. М., 1995. С. 11-12.

⁹ Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка // Социальная история - 2003. М., 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://el-history.ru/node/1>

¹⁰ Там же.

¹¹ См. Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. СПб., 1997, также: Шкуратов В. Историческая психология. М., 1997.

¹² Понятие «последние римляне» (Ultimus Romanorum) возникло еще в античные времена; считается, что впервые его употребил Юлий Цезарь, охарактеризовав им Марка Юния Брута, как одного из тех, в ком сохранился «старый римский дух». Зарубежная историография включает довольно много имен в список тех, кого можно назвать «последним римлянином», например, Флавий Велитарий – один из великих полководцев Византийской империи, последний из тех, в честь которых устраивался триумф; Флавий Аэций – командующий римскими войсками, защищавшими Галлию от франков и других варваров, и одержавшего победу над Атиллой в битве на Каталаунских полях; Боэций Северин как один из последних значительных философов Рима; Григорий Великий – влиятельнейший папа, уроженец Рима; Ромул Августул – последний император Западной Римской империи de facto; Юлий Непот – последний император Западной Римской империи de jure и мн. др. (Cobham Brewer E. Last of the Romans // Dictionary of Phrase and Fable (1898) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Last_of_the_Romans). В отечественной науке это определение активно разрабатывается В.И. Уколовой. Она обозначила им тех представителей образованной знати, которые хронологически уже принадлежали средневековой эпохе, жили в варварских королевствах, но занимались активной переработкой античного наследия, приспособившая его к нуждам средневековой цивилизации (Боэций, Кассиодор, Исидор Севильский и др.). В ее интерпретации это, как правило, авторы уже VI века и позднее.

падная Римская империя как политическая единица сходит с международной арены, уступая место молодым варварским королевствам, однако античная культура, языческая в своей основе, еще целое столетие существует как самостоятельный, живой пласт культуры новой эпохи, раннего средневековья.

Уже в III веке в сознании рядового римлянина произошел надлом, вызванный временным распадом государства и варварскими вторжениями. Не прекращались религиозные и социальные конфликты. Кроме того, конец IV века даже по сравнению с его началом показывает резкое снижение интеллектуального уровня. В Риме «людей образованных и серьезных избегают как людей скучных и беспольных» (Amm. Marc. XIV. 6, 15).

Полное падение жизненной активности и энергии среди последних римлян давно подмечено историками. К V веку процесс упадка интеллектуальной культуры и отмирания творческой мысли зашел столь далеко, что империя «уже не имела ни мудрых беспристрастных историков, ни вдохновенных и увлекательных поэтов; языческие писатели все больше впадали в цветистую риторику и откровенное пустословие, а христианские авторы заботились лишь о прославлении своей религии, пренебрегая исторической достоверностью»¹³.

Так наглядно проявилось действие возраста римского этноса, который, исчерпав свои силы, начал перерождаться, равно как и возраста самой локальной цивилизации¹⁴.

Естественно, картина жизни позднеантичного общества воссоздается исключительно на основе свидетельств представителей слоя позднеимперских аристократов-интеллектуалов, т.е. тех, кто имел возможность оставить нам письменное наследие¹⁵. Объединяла этих людей не только (и не столько) принадлежность к римскому нобилитету, сколько система риторического воспитания и образования, «пайдейя» римского образца, культивировавшая как когнитивный компонент сознания, так и целую систему общественных и культурных ценностей, типичных для классической античности. Практически все позднеантичные литераторы получили риторическое образование и, как следствие, тягу к художественному (в частности, литературному) самовыражению.

Что касается роли личности, степени проявления индивидуальных качеств, в позднеимперском обществе, то в условиях общей нестабильности и гипертрофированности императорского культа, она была невысока.

П.П. Шкаренков отмечает, что позднеимперское общество было очень высоко институционализированным. Действия человека имели значение, только если они находились в соответствии с санкционированной моделью поведения, связанной с исполнением определенной социальной роли, в которой они могли добиться успеха лишь при следовании моральному идеалу¹⁶. Сущность человека определялась через его общественное положение, сословный статус, род занятий, а не через его индивидуальные качества. По удачному выражению И. Кона, мыслителям поздней античности был близок и понятен образ человека, выполнявшего разные, не им самим сочиненные роли¹⁷. При доминировании такого способа восприятия мира мы все реже встречаем в текстах описания конкретных людей с их индивидуальными качествами. Личность человека скрывается за набором идеальных атрибутов, состав и количество которых зависит от места, занимаемого человеком в обществе»¹⁸.

Как нам кажется, именно этим объясняется стремление некоторых язычников не только принять христианство, но и занять пост в церковной иерархии, поскольку сделать что-либо заметное в тот период было возможно, находясь скорее не на госу-

¹³ Федорова Е.В. Люди императорского Рима. М., 1990. С. 321.

¹⁴ По подсчетам еще К. Леонтьева, локальная цивилизация западного типа живет не более 12 столетий.

¹⁵ Симмах, Авсоний, Павлин Ноланский, Рутилий Намациан, Сидоний Аполлинарий и др.

¹⁶ Шкаренков П.П. «*Variæ*» Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры // Диалог со временем. № 2. М., 2000. С. 102.

¹⁷ Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984. С. 50.

¹⁸ Шкаренков П.П. Указ. соч. С. 103.

дарственной службе, а в качестве священника, зачастую (в силу слабости центральной светской власти) бравшего на свои плечи заботы социально-политического характера (деятельность Северина в Норике и Сидония в Клермоне).

Безусловно, мы не можем отрицать искреннего желания людей чтить Христа, пришедших к этому через глубокие душевные потрясения, когда человеку приходилось переживать внутренний конфликт языческого воспитания и образования и новых установок, ориентированных, прежде всего, на Бога и отрицающих староримские ценности и добродетели (Иероним, Августин, Амвросий Медиоланский и др.).

Однако немало было и так называемых «формальных» христиан (Авсоний, Драконций, Сидоний Аполлинарий), которые обращались к христианству номинально, в душе оставаясь верными классическим античным традициям, когда приоритетной ценностью являлось служение не Богу, но Государству.

В поэзии Авсония (ок. 310-394 гг.) присутствуют стихотворения как чисто языческого характера, так и христианского содержания, однако доля последних значительно меньше, а чувства, испытываемые автором по отношению к христианскому Богу, значительно прохладнее, чем к языческим богам и героям. Авсоний черпает свой лексический арсенал из мифологии и истории культуры. Почти автоматически в его сознании всплывают образы Миноса и Солона, когда он пишет о справедливости, Пифагора и Нумы Помпилия – о божественной учёности; Аристарха и Зенодота – о книжной учёности; Феба и Эскулапа – о врачах, кентавра Хирона – об учителях. В «Распятом Купидоне», рассказывая о том, как коварный бог попал в руки женщин, пострадавших от несчастной любви, он перебирает все имена героинь-страдалиц древних мифов. В своих письмах к любимому ученику и другу Павлину он сравнивает себя и его с Орестом и Пиладом, Нисом и Эвриалом, Дамоном и Финтием, Перифоем и Тезеем, символизирующими примеры нерушимой дружбы¹⁹.

В произведениях Авсония жива идея вечности империи и олицетворявшего ее Рима («Рим золотой, обитель богов, меж градами первый»), а отношение к варварам довольно благодушное, с позиции сильного (Aus. Cons. Orat., 30-35).

Письма Сидония Аполлинария (430-488 гг.), галльского аристократа и епископа, содержат подробности бытовой жизни и основных занятий, которые мало чем отличались от традиционного образа жизни римского аристократа-язычника: визиты к друзьям, охота, изящная словесность, игры, посещение терм, разыгрывание сценок из пьес римских и греческих классиков (Sid. Epist. I). При этом каждое из так называемых «епископских» писем Сидония (книги VI-VII) заканчивается словами: «*memor nostri esse dignare, domine papa*» («достойный памяти современников, епископ наш»), что наводит на мысль о некоторой нарочитости такого постоянства, как будто он хочет убедить в том, что является истинным христианским священником, не только окружающих, но и самого себя. На наш взгляд, такие высказывания были своего рода данью времени стремительно надвигающегося христианского средневековья. Хотя в изображении более поздних христианских авторов, например, у Григория Турского в «Истории франков» (II. 21-25) Сидоний предстает перед нами в совершенно ином образе. Здесь он выглядит уже вполне канонично. За каких-то сто лет образ Сидония трансформировался из светского интеллектуала и политика в святого мужа, благодаря усилиям христианской апологетики. По словам Григория Турского: «Сидоний всецело был предан служению Господу и вел в миру святую жизнь».

Таким образом, в глазах современников ситуация того периода, воссозданная по источникам, представляется двумя совершенно различными картинками.

В произведениях языческих писателей мы видим золотовенчаный вечный Рим, гордящийся своей былой славой и благочестием, верный древним богам, сделавшим его своим избранником и даровавшим ему великую миссию господства над

¹⁹ Перфилова Т.Б. Две модели обучения философии в Римской империи // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3. С. 45-46.

миром. Об этом пишут поэты Авсоний, Клавдиан, Рутилий Намациан. Об этом же свидетельствует и переписка крупнейшего государственного деятеля того времени Квинта Аврелия Симмаха²⁰.

Регулярно и с большим тщанием отправляются языческие обряды, продолжают существовать коллегии авгуров, весталок, других римских жрецов. Знать увлекается литературой, риторикой, отчасти философией, но еще больше она следит за модами и строжайшим соблюдением этикета. Симмах сетует, что светские обязанности поглощают большую часть времени, но все же считает невозможным не отдавать необходимые светские визиты. Словом, кажется, что жизнь течет по искони заведенному порядку, которому ничто не угрожает²¹.

Другая картина складывается из свидетельств христианских авторов. Прежде всего, мы не видим никакого покоя и благоденствия. Напротив, жизнь общества и всех его слоев предельно напряжена: оно находится на краю пропасти, и помешать его гибели может только христианство, с неистовой энергией добивающееся политической и духовной победы. Страстными обличениями пороков римского общества наполнены страницы сочинений «отцов церкви» Иеронима и Августина. Ложная вера, моральная деградация, всеобщая продажность, разврат – это еще далеко не полный перечень грехов, обрекающих это общество на уничтожение.

Действительность в интерпретации Сидония и других языческих авторов получает «некий эталонный, вневременной характер»²², великие примеры прошлого заслоняют настоящее. Так, например, при виде Мантуи Сидоний вспоминает мятеж великого Цезаря, при виде Фано – смерть Гасдрубала (Sid. Epist. I. 5, 3), тогда как тот же Сальвиан при виде любого города замечает лишь грязь и пороки (Salv. VI, 13-15).

Таким образом, применяя микроисторический подход, легко можно убедиться в том, что картина бытия позднеантичного общества, представленная по письменным свидетельствам христианских авторов, имела амбивалентный (двойственный) характер, поскольку, на самом деле, не все из них действительно воспринимали мир по-новому. Языческие традиции и обычаи, литературные риторические штампы настолько прочно обосновались в подсознании таких «формальных» христиан, что вольно или невольно продолжали «жить» на страницах их произведений.

PROBLEM OF REPRESENTATION OF THE LATE ANTIQUITY IMAGE IN THE WRITTEN TRADITION OF AUTHORS OF LATIN WEST IN IV-V CENTURIES A.D.

E.V. LITOVCHENKO

Belgorod State University

e-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

The Late Antiquity in the Latin West as a transitional phase of European historical development is of a great interest to us through the alembic of the world-view of those times' most typical representatives. This investigation is dedicated to the problem of representation of the Late Antiquity's image in works of the Late Roman authors such as Symmachus, Ausonius, Claudianus, Ammianus Marcellinus, Salvian, Sidonius Apollinaris. As a methodological base of this research served the "microhistorical" approach which helps to reconstruct mentality, disclosing everyday life of Late Roman nobility, exposing features of an individual's spiritual life. The author is coming to a conclusion that the worldview of the Late Antiquity's society reversed by Christian authors' written testimonies had an ambivalent type because a pagan traditions and customs, a literary rhetorical cliché continued playing an important role in the consciousness of Roman intellectuals of the IV-V centuries A.D.

Key words: Late Antiquity, "microhistorical" approach, "Last of the Romans", rhetorical education, worldview of the Late Antiquity's nobility.

²⁰ Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М.: Наука, 1989. С. 13.

²¹ Там же. С. 14.

²² Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 22.